

УДК 130.2+81`373.612

Д. И. Манаширов

(исследователь; студент бакалавриата)
Пятигорский государственный университет
(г. Пятигорск, Ставропольский край, РФ)

**КУЛЬТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СЛЕД
ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ КАК ОТГЛОСОК
ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ
И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРАЗОВ МАКА**

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию культурного символизма растения мак как комплексного индикатора историко-культурных взаимодействий в Европе от античности до Средневековья. Целью работы является выявление цепочки семантических связей между античным и славянскими комплексами представлений о маке через междисциплинарный анализ. Основное внимание уделяется анализу путей заимствования фитонима, реконструкции мифоритуального комплекса (связь с плодородием, сном/смертью и жертвой) и критическому переосмыслению образа славянской богини Мокоши. Делается вывод, что мак выступает устойчивым культурным кодом, демонстрирующим преемственность и механизмы интеграции мифологических представлений в ходе ключевых исторических процессов, таких как Великое переселение народов.*

***Ключевые слова:** мак, античность, этимология, мифология, Великое переселение народов, славянское язычество, индоевропейские параллели.*

D. I. Manashirov

(Researcher; Bachelor's Degree Student)
Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Stavropol Krai, Russian Federation)

**CULTURAL AND LINGUISTIC TRACE OF THE GREAT
MIGRATION OF PEOPLES AS AN ECHO OF THE ERA
OF ANTIQUITY ON THE EXAMPLE OF FOLK
AND RELIGIOUS IMAGES OF POPPY**

***Annotation.** The article is devoted to the study of the cultural symbolism of the poppy plant as a complex indicator of historical and cultural interactions in Europe from antiquity to the Middle Ages. The aim of the work is to identify the chain of semantic connections between the ancient and Slavic complexes of representations of the poppy through interdisciplinary analysis. The main attention is paid to the analysis of ways of borrowing the phytonym, the reconstruction of the mythological complex (connection with fertility, sleep/death and sacrifice) and a critical rethinking of the image of the Slavic goddess Mokosha. It is concluded that the poppy acts as a*

stable cultural code that demonstrates the continuity and mechanisms of integration of mythological representations during key historical processes, such as the Great Migration of Peoples.

Keywords: *poppy, antiquity, etymology, mythology, Great Migration of peoples, Slavic paganism, Indo-European parallels.*

Введение. *Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного изучения глубоких культурных связей, сформированных в ходе ключевых исторических процессов, таких как Великое переселение народов (IV–VII вв.). Эти миграции не только перекроили политическую карту Европы, но и создали обширные этноконтактные зоны, где происходило интенсивное взаимодействие языков, мифологий и символических систем. Растение мак (*Papaver*) выступает в данном контексте уникальным культурным маркером. Его устойчивый, многогранный символизм (плодородие, сон, смерть, жертва) и общая для многих народов Европы лексическая основа представляют собой ценный материал для реконструкции путей культурной трансляции и трансформации архетипических образов. Особую актуальность приобретает анализ славянского восприятия этого комплекса, в частности, через фигуру богини Мокоши, что позволяет преодолеть фрагментарность существующих подходов и рассмотреть индоевропейскую традицию в её целостности и динамике.*

Степень изученности темы характеризуется значительным объёмом исследований, которые, однако, редко носят междисциплинарный характер. Античный символизм мака как атрибута Деметры/Цереры, Гипноса и Морфея детально освещён в работах по классической мифологии и культурологии. Его роль в ритуалах, связь со сном и смертью, а также позднейшая трансформация в христианскую эпоху и символ памяти (красный мак) также хорошо изучены. В области славянского язычества ключевые труды принадлежат Б.А. Рыбакову, который предложил «аграрную» трактовку Мокоши как «Матери урожая». Альтернативные этимологические и мифологические реконструкции, связывающие имя богини с корнем *tok-* (влага) и указывающие на её возможную связь с общеиндоевропейским архетипом Великой Богини-Матери, представлены в работах В.В. Иванова, В.Н. Топорова, В.М. Мокиенко и др. Тем не менее, недостаточно исследованными остаются конкретные механизмы, через которые комплекс представлений о маке мог быть воспринят и адаптирован в славянской среде в контексте масштабных историко-культурных контактов эпохи Великого переселения народов и последующего германо-славянского взаимодействия.

Объектом данного исследования выступает культурный символизм растения мак в европейской традиции как отражение историко-культурных процессов.

Предметом являются пути заимствования, адаптации и семантической трансформации фитонима «мак» и связанного с ним мифоритуального комплекса в ев-

ропейских культурах, с особым вниманием к славянскому ареалу и образу богини Мокоши.

Цель работы – на основе междисциплинарного анализа выявить и проследить цепочку культурно-семантических связей между античным и славянским комплексами представлений о маке, предложив новую реконструкцию семантики образа Мокоши. Для достижения этой цели поставлены следующие *задачи*:

1) Провести этимологический анализ и проследить пути заимствования лексемы, обозначающей мак, в европейских языках.

2) Систематизировать античный мифоритуальный комплекс, связанный с маком (Деметра/Церера, Гипнос/Морфей, ритуал замещения).

3) Осуществить критический анализ существующих гипотез о происхождении и функциях славянской богини Мокоши.

4) На основе сравнительно-мифологического и семантического анализа предложить обоснованную реконструкцию образа Мокоши в контексте индоевропейской традиции.

Методология и методы: методологическая база исследования строится на принципах историзма и системного подхода. Ключевым является сравнительно-исторический метод, применяемый как в лингвистике, так и в мифологии. Информационная база включает труды античных и средневековых авторов, данные фольклора и этнографии, а также научную литературу по исторической лингвистике, сравнительной мифологии и истории Европы. В исследовании используются следующие методы: этимологический анализ для реконструкции происхождения и путей распространения лексем, обозначающих мак; сравнительно-мифологический анализ для выявления параллелей между образами богинь плодородия; семантический анализ для исследования развития значений слов и символов; историко-культурная интерпретация для соотнесения лингвистических и мифологических данных с конкретными историческими процессами, такими как ВПН и христианизация.

Новизна определяется в выявлении новых сравнительно-мифологических параллелей. На основе предложенной реконструкции в работе впервые в научной литературе последовательно прослеживаются и анализируются содержательные параллели между славянской Мокошью и кельтской богиней Махой (Macha), также связанной с символикой земли, плодородия, крови/мака и судьбы. Это открывает новые горизонты для исследований в области индоевропейской мифологии и позволяет говорить о возможных общих истоках данного архетипа Великой Богини-Матери.

Результаты и обсуждение. Эпоха Великого переселения народов, инициированная нашествием азиатских кочевников гуннов в IV веке, стала отражением массовых миграций готских, сарматских и многих других племенных групп Во-

сточной Европы на запад. По происхождению гунны с большей вероятностью тюрки. Это подтверждается историческими источниками. Так, писатель VII в. н. э., византиец Феофилакт Симокатта сообщает следующее: «Захватив с собой самого видного из своих друзей, Сеоса, он направился к племени гуннов, которых наша история неоднократно называла тюрками» [11, с. 102]. Помимо этого, он упоминает, что «персы обыкновенно называют их тюрками» [11, с. 77]. Волны переселений не обошли стороной и славян, которые заняли местность вплоть до р. Эльбы. Образовалась обширная этноконтактная зона культурно-интеграционного взаимодействия славянских и германских племен. К XII–XIII векам, в развитом средневековье в результате религиозно-феодалного «натиска на восток» славяне были вытеснены с территорий современной Центральной Германии, именуемой Полабьем. Большая часть была ассимилирована, войдя в состав Священной Римской империи. Однако и в наши дни топонимика Центральной Европы, в частности Германии и Австрии, сохраняет множество славянских лингвистических следов.

Окончания названий на *-itz*, *-in*, *-ow* в сочетании со славянскими корнями, а также такие известные топонимы, как Берлин, Лейпциг и Дрезден, являются молчаливыми свидетелями эпохи, когда славянская культура доминировала в этом регионе. Исторические процессы этой эпохи привели к глубокому культурному обмену, следы которого обнаруживаются в языковой, мифологической и символической сферах. Одним из таких маркеров выступает растение мак (*Paraver*), чье название, мифологические ассоциации и символические функции демонстрируют удивительную устойчивость в индоевропейской традиции. Однако существующие исследования часто носят фрагментарный характер, что создает проблему комплексной реконструкции культурного кода, заложенного в символе мака и связанных с ним божественных образов, таких как славянская Мокошь и греческая Деметра. Для решения этой проблемы необходима конкретная научная задача, заключающаяся в проведении междисциплинарного анализа для выявления цепочки семантических и культурных трансформаций, связывающих ботанический объект, его лингвистические обозначения и мифоритуальные представления от античности до славянского язычества.

Почти тысячелетнее совместное проживание на общей территории не прошли бесследно. В немецком языке есть слово «*mohnblume*», которое переводится как «цветок мака». В русском языке аналогичным корнем является мох-, который родственен мок-/мак-. Слова макнуть, мокрый связаны с влагой, сыростью, в которой обычно произрастает растение мох. Это приводит к необычной лингвистической связи растений мака и моха. В коми-пермяцком фольклоре упоминается лесной дух Кокля-мокля, который по одной из версий связан с нечистым духом русских суеверий Хохла-мохря (Хохла-махря) [13, с. 198-199].

Подобное сходство в наименовании показывает культурно-интегративные процессы между славянскими и финно-угорскими племенными группами. Назва-

ние мака имеет общие корни во многих европейских языках. Лингвистический анализ показывает, что слова, обозначающие мак в немецком (*māho*, *mahn*), древневерхненемецком (*māho*), греческом (*mékōn*) и славянских языках (например, русское «мак»), происходят из одного общего источника. Наиболее достоверно то, что это слово было заимствовано народами Северной Европы из средиземноморского языка в глубокой древности, что исторически обоснованно, поскольку родиной мака является Средиземноморский регион.

В германских языках следы этого названия сохранились не только в немецком, но и, например, в голландском (*maankor* – «маковая головка») и шведском (*vallmo* – «мак», буквально «опийный мак») [2, с. 560]. Вероятно, немецкое *mohnblume* является славянским заимствованием по той причине, что германские и славянские племена продолжительное время развивались по соседству. Однако, стоит отметить, что цветок мака в венгерском «*A mákvirág*», в литовском «*masa gėlė*», эстонском «*masa lill*» и латышском языках «*magonī zieds*» имеют схожее происхождение. В этих языках так же наблюдается корневая преемственность.

Говоря об этимологии названия масличной культуры, известной с античности, оно восходит к древневерхненемецкому *magō* (IX в.) и (чередование гласных и грамматические изменения) к др.-в.-нем. *māho* (X в., также в древнесаксонском *māho*), от которого через форму косвенного падежа с окончанием *-n* образовалось средневерхненемецкое *māge(n)*, *māhen*, *mān* (средненижненемецкое *mān*), а также др.-в.-нем. *mān* (рукопись XIII в.). К этой же группе относятся сложные образования: нижненемецкое *Mahnkorr*, голландское *maankor* (означает «маковая головка» – по форме семенной коробочки), а также норвежское *valmue*, шведское *vallmo*, старошведское *valmoghe* – обозначающие опийный мак. Сравнительно с норвежским диалектным *vale* «глубокий сон» и шведским диалектным *valbjörk* «крушина» (букв. «очищающая крушина»), а также шведское *sömntorn* – с тем же значением.

Среди негерманских параллелей – греческое *mékōn* (μῆκων), церковнославянское *макъ*, русское *мак*. Поскольку мак происходит из Средиземноморья, вероятно древнее заимствование формы **māk-* или **māken-* из одного из средиземноморских языков. В нововверхненемецком языке форма *Mahn* сохранялась до XVIII века (в диалектах – до настоящего времени); ослабление гласного началось в XV веке, а с XVIII века общепринятым стало написание *Mohn* [1].

В русском языке под маковой, макушкой изначально подразумевалась семенная коробочка цветка мака. Примечательно, что данное значение было проецировано на другие объекты: купол церкви, вершина горы, верхняя часть головы (макушка). В античную эпоху коробочки мака ассоциировались с человеческими головами. Эта символическая связь отразилась в греческом языке, где мак называли словом «*kodeion*», а человеческую голову «*kodeia*», как бы «головка мака». Данное представление имело и ритуальное значение: согласно традиции, римский царь

Нума заменял маковыми головками человеческие жертвоприношения Юпитеру. Аналогичный обычай существовал и в более позднее время: в IV веке до н. э. римский консул Юний Брут распорядился приносить в жертву богине-чудовищу Мани, считавшейся влияющей на судьбы детей, головки мака и чеснока вместо детских голов. Таким образом, мак выполнял важную символическую функцию в древних ритуалах замещения. В украинском устном народном творчестве начала XX века было в ходу такое выражение: «Голова красива, как маковка, но ума в ней – всего лишь горсточка» («Головка, як маківка, а в неї розуму, як наклано»). В Малороссии раньше пели: «Убив брата родного, а шурина вирного, покатила голова так, як маківочка» [5, с. 199].

Название мака связано с античным затерянным городом Меконой, откуда это растение распространилось в Грецию. Этот предположительно черноморский порт не случайно называли «маковым городом» – он был центром распространения данной культуры. В греческой мифологии мак тесно связан с богиней жатвы и плодородия Деметрой (у римлян – Церерой): согласно мифам, маковый сок утешал богиню после похищения её дочери Персефоны Плутоном. Согласно еще одному античному преданию, именно богиня Деметра впервые обнаружила маки в окрестностях этого поселения. В честь этого знаменательного события город получил название Мекона («маковый»). Помимо этого, у богини Деметры был возлюбленный – афинянин по имени Мекон, которого она превратила в маковое растение. Саму Цереру нередко называли Меконой. Не случайно скульптурные изображения Деметры и Цереры традиционно украшались венками из колосьев и маковых головок [5, с. 206–207].

Мак стал многозначным символом, олицетворяющим воспоминания, тишину и сон. В греческой мифологии он выступал атрибутом Гипноса, бога сна, и Морфея, бога сновидений, благодаря своим усыпляющим свойствам. Эта связь подчёркивается в мифах: Гипнос с помощью мака мог погрузить в сон даже могущественного Зева. Особенно поэтичен римский миф о Церере: во время её безутешных странствий в поисках дочери Прозерпины, боги создавали маковые цветы при каждом её шаге. Собрав их букет, богиня наконец смогла забыться в исцеляющем сне. Мак был посвящён Церере (а иногда Диане), поскольку он часто растёт среди злаковых полей. По той причине и возникло единение образов макового цветка с символом плодородия. С давних времен созревающие, но еще незрелые коробочки мака надрезали острым ножом, делая полукруглые насечки. Из этих надрезов начинал сочиться маковый сок («молоко») – опий-сырец. Под воздействием солнечного тепла сок постепенно загустевал и темнел. Эта застывшая масса и была опиумом, свойства которого были воспеты эллинами в мифах.

Наиболее всего интересна связь славянской богини Мокоши (Макоши) и греческой Деметры. Б. А. Рыбаков ошибочно проводил языковую близость между терминами, обозначающими жребий, и именем богини. Учитывая глубокую индоев-

ропейскую древность корня «Ма» (мать), можно реконструировать значение имени «Ма-кошь» как «Матери счастливого жребия» – богини судьбы и удачи. Этой этимологической связью ученый подчеркивает роль богини как подательницы благ и вершительницы человеческих судеб в славянском пантеоне [10, с. 398]. При такой реконструкции эквивалентом Мокоши и её прообразом является древнегреческая Тихе (Тюхе), она же римская Фортуна. Б. А. Рыбаков считал допустимым выделять в слове нужный слог ма-, обозначая его за корень, хотя лингвистически верен корень мак-, мок-. Однако, интересно то, что во второй культурной интерпретации сомнительной языковой параллели исследователь оказался весьма точен. Археолог отмечал, что имя «Макошь» (при условии правильности именно такой формы) обладает глубокой символической трактовкой. Оно может быть расшифровано как составное понятие «Ма-кошь» – то есть «мать хорошего урожая» или «мать счастья». Эта этимология отражает сущность богини как подательницы плодородия, благополучия и жизненного достатка в славянской мифологии.

Такой перевод подчёркивает ее связь с аграрными культурами и архетипом Великой Матери, отвечающей за цикличность природы и процветание общины [10, с. 402]. Как итог, Б. А. Рыбаков делает вывод о том, что «Ма-кошь – «Мать урожая», т. к. слово «кошь» означало: повозку для снопов, корзину для зерна, плетеный амбар для соломы, загон для скота» [10, с. 631]. В действительности же Мокошь, исходя из правильной этимологии корня, напрямую связана с маками и является близким к Деметре божеством. Ю. В. Вайрах и Г. О. Ибраимова отмечают, что «прослеживается очевидная языковая параллель Макоши и слова макотра (макитра), которое обозначает мак и тереть» [3, с. 690]. С давних времён славяне применяли в быту макитру (ступу) и макогон (пестик) для измельчения зерен, в том числе семян мака.

Сакральный характер названий предметов быта характеризуется символизмом макитры в качестве женского начала и макогона в качестве мужского. Это подчеркивает значительный вклад растения в славянскую культуру. В народной лингвистической традиции слово «макитра» подверглось семантической деградации и приобрело устойчивую отрицательную коннотацию. Изначально этот предмет утвари (для приготовления творога, теста и овощей) был сугубо утилитарным и нейтральным.

Согласно академической этимологической справке, представленной в словаре Г. П. Цыганенко, происхождение существительного «макитра» (или «макотра») является прозрачным с точки зрения словообразовательной модели и восходит к соединению двух семантических основ. Первый корень «мак-» непосредственно указывает на объект обработки – мак, который традиционно измельчали в данном сосуде. Вторым корнем «-тру-» (восходящий к глаголу «тереть») обозначает само механическое действие, производимое с этим продуктом. Соединительная гласная «-о-» является структурным элементом, типичным для формирования сложных слов

в восточнославянских языках [9, с. 223]. Таким образом, первоначальное значение лексемы – «сосуд, в котором перетирают мак», что точно отражает его утилитарное назначение в традиционном быту. Данный этимологический анализ представляет собой классический пример мотивации наименования предмета через его прямую функцию, где форма слова напрямую отражает его изначальное практическое использование. Впоследствии, на основе этой первичной семантики, развились вторичные, переносные значения слова, связанные с антропоморфными метафорами. Со временем его метафорическое использование привело к возникновению пренебрежительного прозвища для глупой, бестолковой женщины, в голове которой «пусто, как в горшке». Эта ирония ярко демонстрирует механизм смещения ценностной позиции: бытовой объект становится инструментом для создания уничижительного образа, представляя объект насмешек в совершенно ином, негативном свете.

Окончание слов на «-ошь» свойственно славянским языкам. Мокошь как символ изобилия и плодородия может быть противопоставлен слову пустошь. Мокошь – мокротА, пустошь – пустотА. В. М. Мокиенко, А. Ф. Журавлев и многие другие исследователи справедливо замечают, что имя Мокошь связано с мокнуть, мокрый, влажный. «Она олицетворяла женское начало природы, была божеством воды, дождя, грозы, а значит – плодородия, т. е. выступала как бы в качестве «лучшей половины» Перуна» [12, с. 214]. Согласно реконструкции лингвистов и исследователей мифологии В. В. Иванова и В. Н. Топорова, Мокошь, являющаяся единственным женским божеством в древнерусском пантеоне, могла быть супругой громовержца Перуна.

Эта гипотеза строится на основе сравнительного анализа с другими индоевропейскими мифологиями, где богу-громовержцу (например, Зевсу или Тору) часто сопутствует могущественная богиня-супруга (греческая Деметра или скандинавская Сиф) [6, с. 188]. Таким образом, Мокошь в этой паре олицетворяла бы собой плодородие, землю и судьбу, дополняя воинственную и громовую фигуру Перуна. По одной из версий Мокошь после принятия христианства трансформировалась в Мокушу – нечистого духа, ассоциируемого с прядением и по функциям схожим с существом стихии воды – кикиморой болотной. В северорусских землях, благодаря народным представлениям, закрепился образ женского духа или демонического существа по имени Мокуш(а).

Фольклористы и историки религии XIX века полагали, что это представление могло проникнуть в крестьянскую среду из знакомых церковных обличий язычества, подобно многим другим сюжетам – как книжного происхождения, так и восходящим к апокрифическим, «отреченным» текстам. Согласно бытовавшим рассказам, Мокуша незримо бродила по избам и приглядывала за женскими работами, в особенности за пряжей. Люди верили, что если ночью в тишине слышалось урчание веретена, то это означало одно: «Это Мокоша пряла». Рассказывали также, что,

покидая дом, она могла задеть веретеном о брус или полаты, отчего раздавался характерный щелчок. Её влияние распространялось и на скот: если у овцы без видимой причины вытиралась или редела шерсть, в этом тоже видели след её незримой деятельности, приговаривая: «Ох, Мокуша овцу остригла». Чтобы умиловить духа и отвести его внимание, существовал специальный обряд: на ночь в порожние ножницы обязательно клали несколько клочков шерсти. Это являлось формой требы Мокуше – обязательном подношении, призванным обеспечить благополучие дома и сохранность рукоделия [4, с. 10]. Также считалось, что она появляется в период Великого поста – в период строгого запрета оставлять на ночь кудель на прялке, не получив благословения. Считалось, что в противном случае «Мокоша придет и спрядет» [8, с. 114].

Из всего вышеописанного следует, что не стоит полностью отклонять версию об одном из основных видов деятельности древнеславянской богини Мокошь – прядении. Технология получения пряжи предполагала, замачивание в воде шерсть. Такое «перевоплощение» не удивительно, зная о том, что мох образует моховину, где есть повышенная влажность, благоприятствующая поселению мифической сущности кикиморы–Мокуши. То есть, Мокуша – это гиперболизированный негативный образ Мокоши, который проецирует болотную влагу, не идущую на пользу почве и ведению хозяйства. Кроме всего прочего, о возможной функции Мокоши в качестве пряжи намекает связь слов мох – мохна – мохор – мохрома (бахрома), т. е. пучки нитей. Так, мох и мех предположительно имеют лингвистическую параллель через визуальную схожесть волосинок шкуры животного и ворсинок болотного растения. В то же время связь овцами отсылает к античным аграрным богиням, олицетворяющих скотоводство. В. П. Калыгин соотносит ирландское божество Маха (Macha) и Мокошь [7, с. 181]. И действительно, семантическая схожесть хорошо прослеживается.

В ряде кельтских мифов упоминается, что Маха соотносится с красной землёй (кровью на поле) и плодородием почвы, что является отсылкой к образу маков, которые связывают с кровью убитого. Согласно английскому фольклору, маки произрастают из крови дракона, побеждённого святой Маргаритой. В христианской традиции широко распространён образ маков, вырастающих на месте крови, пролитой распятым Иисусом Христом, где этот цветок становится символом невинно пролитой крови и искупительной жертвы.

Возвращаясь к античной традиции, стоит отметить, что Кронос (у римлян Сатурн) и Рея-Кибела (отожествляемая римлянами с Опой) являлись родителями Зевса (Юпитера) и Деметры (Цереры). Опа ассоциировалась с жатвой. Сущность плодородия Опы (Реи-Кибелы) было перенесено на дочернюю богиню Цереру (Деметру). Имя Опы (лат. Ops) восходит к древнегреческому слову «ὄπιον» (pion), уменьшительное от «ὄπός» (opós – в пер. сок растения), что связано с названием

макового сока – опиума. Однако в Древнем Риме существовала ещё одна функционально схожая аграрная богиня – Палес (лат. Pales). Отсюда, предположительно латинское «palam» – в значении «открыто», французское «pelouse» – газон, общеславянское «pole» – поле, которые могут быть семантически связаны как слова-категории для описания равнинной местности, идеально подходящей для земледелия или скотоводства. Как итог, появление в европейских языках корней слов, традиций и религиозных компонентов, восходящих к античному времени, является следствием продолжительных контактов Рима с варварскими племенами и судьбоносных процессов Великого переселения народов. На обломках Западной Римской империи было создано общеевропейское средневековое пространство, невольно впитавшее в себя ряд традиций Древнего мира.

Выводы. Как можно заметить из языковых параллелей Великое переселение народов стало поворотным этапом развития варварских обществ. По сегодняшний день словарный запас жителей Европы отражает отголоски античных древнегреческих и римских традиций религиозных культов. В сфере мифоритуальной практики мак выступает как многозначный символ, интегрированный в сложный комплекс представлений о жизни, смерти и сакральном плодородии. Его амбивалентная природа уходит корнями в дохристианские политеистические культы, где он функционирует одновременно как атрибут хтонических божеств (замена человеческих жертвоприношений в римской традиции) и как символ божественного успокоения (атрибут Гипноса и Морфея). Особого внимания заслуживает его неразрывная связь с образом Великой Богини-Матери в её различных ипостасях – от греческой Деметры до славянской Мокоши. Исторические процессы ВПН и последующей германо-славянской интеграции стали ключевым каналом для распространения как лексических заимствований, так и элементов мифоритуального комплекса, связанного с маком.

Реконструкция семантики последней позволяет подвергнуть критике упрощённые этимологические построения, связывающие её имя исключительно с понятием урожая. Гораздо более перспективным представляется выведение её этимологии к архаичному корню *tok-/mak-*, отражающему водную природу божества, связанного с циклами увлажнения, плодородия и, возможно, «прядения» судьбы. Данная реконструкция находит неожиданные параллели в кельтском пантеоне (богиня Маха), что указывает на возможные глубинные индоевропейские истоки данного образа.

Таким образом, мак в истории фигурирует не просто как ботанический объект изучения, но и как мощный культурный код, сквозь призму которого возможно проследить сложные процессы формирования мифологического мышления, межкультурных заимствований и трансформации архетипических образов в исторической перспективе – от античных ритуалов до христианской символики невинно

пролитой крови, закрепляя его статус как одного из ключевых элементов европейской символической традиции.

Библиографический список:

1. «Mohn», bereitgestellt durch das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Mohn> (дата обращения: 13.09.2025).
2. Der Duden. Herkunftswörterbuch Etymologie der deutschen Sprache, Die Geschichte der deutschen Wörter bis zur Gegenwart, 20000 Wörter und Redewendungen in ca. 8000 Artikeln / Hrsg. von der Dudenredaktion; Red. Bearb.: Anette Auberle, Annette Klosa. – Mannheim: Dudenverlag, cop.2001. – 960 p.
3. Вайрах Ю. В., Ибраимова Г. О. Сопоставительный анализ мотивирующих признаков макроконцептов Род и Макошь // СибСкрипт. – 2022. – №6 (94). – С. 686-695
4. Журнал Министерства народного просвещения. [Ч. ССLXIV]. – Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева, 1889. – 845 с.
5. Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях / Н. Ф. Золотницкий; С виньетами по рис. худож. К. Ф. Цейдлер. – Санкт-Петербург: А. Ф. Девриен, 1913. – 298 с.
6. Иванов В. В., Топоров В. Н. К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балто-славянские исследования. – М.: Наука, 1983. – С. 175-197.
7. Калыгин В. П. Этимологический словарь кельтских теонимов / В. П. Калыгин; [отв. ред. К. Г. Красухин]; Ин-т языкознания РАН. – М.: Наука, 2006. 183 с.
8. Мадлевская Е. Л. Русская мифология. Энциклопедия. – М.: Мидгард, Эксмо, 2005. – 784 с.
9. Мокненко В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 464 с.
10. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М.: Академический Проект, 2013. – 640 с.
11. Феофилакт Симокатта (VII в.). История / Пер. с греч. проф. С. И. Кондратьева; Лит. обработка перевода и примеч. канд. ист. наук К. А. Осиповой; Отв. ред. и вступ. статья чл.-кор. АН СССР Н. В. Пигулевской. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 224 с.
12. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Более 5000 слов / Г. П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Киев: Рад. шк., 1989. – 510 с.
13. Энциклопедия уральских мифологий. Мифология Коми / Рос. акад. наук. Урал. отд-ние. Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории, М-во образования и высш. шк. Респ. Коми; А. Н. Власов и др., Науч. ред. В. В. Напольских. – Москва, Сыктывкар: ДИК, Ин-т яз., лит. и истории, 1999. – 479 с.

References:

1. «Mohn», bereitgestellt durch das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Mohn> (date of access: 09/13/2025).
2. Der Duden. Herkunftswörterbuch Etymologie der deutschen Sprache, Die Geschichte der deutschen Wörter bis zur Gegenwart, 20000 Wörter und Redewendungen in ca. 8000 Artikeln / Hrsg. von der Dudenredaktion; Red. Bearb.: Anette Auberle, Annette Klosa. – Mannheim: Dudenverlag, cop.2001. – 960 p.
3. Vairakh Yu.V., Ibraimova G. O. Comparative analysis of motivating features of the macroconceptions Rod and Macosh // SibScript. – 2022. – №6 (94). – pp. 686-695
4. Journal of the Ministry of Public Education. [Part CCLXIV]. – St. Petersburg: V. S. Balashev Publishing House, 1889. – 845 p.
5. Zolotnitsky N. F. Flowers in legends and legends / N. F. Zolotnitsky; With vignettes based on Fig. artist K. F. Zeidler. – St. Petersburg: A. F. Devrien, 1913. – 298 p.
6. Ivanov V. V., Toporov V. N. On the reconstruction of Mokosha as a female character in the Slavic version of the main myth // Balto-Slavic studies. Moscow: Nauka, 1983. – pp. 175-197.
7. Kalygin V. P. Etymological dictionary of Celtic theonyms / V. P. Kalygin; [ed. by K. G. Krasukhin]; Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow: Nauka, 2006. – 183 p.
8. Madlevskaya E. L. Russian mythology. Encyclopedia. Moscow: Midgard, Eksmo, 2005. – 784 p.
9. Moknenko V. M. Images of Russian speech: Historical and etymological essays on phraseology. St. Petersburg: Folio Press, 1999. – 464 p.
10. Rybakov B. A. Paganism of the ancient Slavs. Moscow: Academic Project, 2013. – 640 p.
11. Theophylact Simocatta (VII century). History / Translated from Greek by Professor S. I. Kondratieva; Lit. translation processing and notes. Candidate of Historical Sciences K. A. Osipova; Ed. and the introduction. article ch.-cor. Academy of Sciences of the USSR N.V. Pigulevskaya. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. – 224 p.
12. Tsyganenko G. P. Etymological dictionary of the Russian language. More than 5,000 words / G. P. Tsyganenko. – 2nd ed., revised and add. – Kiev: Rad. shk., 1989. – 510 p.
13. Encyclopedia of Uralic mythologies. Komi Mythology / Russian Academy of Sciences. Ural. department. Komi Scientific Center, In-t yaz., lit. and History, Ministry of Education and Higher School of Economics. Komi Republic; A. N. Vlasov et al., Scientific editorship by V. V. Napolskikh. – Moscow, Syktyvkar: DIK, In-t yaz., lit. and Stories, 1999. – 479 p.